

Олександр Лошицький
(Київ)

«ЛАБОРАТОРІЯ»

Нові документи і свідчення про масові репресії 1937-38 років на Вінниччині

XX сторіччя разом із загальнолюдським прогресом, небаченим досі в історії, дало нам також багато прикладів людських трагедій планетарного масштабу. Вогненні бурі світових війн за сфери впливу та «життєвий простір» додалися до шаленого протистояння тоталітарних ідеологій.

У віках не забудуть французи трагедію Орадура, чехи – Лідіце, євреї – Бабин Яр і табори смерті, білоруси – Хатинь, українці – Корюківку і Кортеліси, для поляків свята пам'ять Катині. Там стоять меморіали, зібрані цілі музеї документів та свідчень.

Долю нашого народу Історія випробовувала, можливо, найжорстокіше і найтяжче. У полум'ї громадянської війни, голоду 1921, 1932-33 років, політичних репресій згоріли мільйони. І на думку автора, найзначнішим меморіалом їх пам'яті має стати правда.

Минуло лише десяток років, як громадськість дізналася про трагічні таємниці Биківні, Куропатів, Соловків, про дальлагівську Колиму. Нещодавно у цей скорботний ряд увійшов прионезький – Сандормох – братський некрополь української творчої еліти. Подіям того періоду нашої історії присвячена маса наукових праць, спогадів сучасників та тих, хто зміг пережити випробування в'язницями і таборами.

Але світ знав про все це набагато раніше і знав достеменно. Символічно було навіть те, що до викриття масового терору в Україні долучились саме ті, хто залив кров'ю і засипав попелом людським пів-Європи – нацисти. Вершиною цинізму можна вважати галасливу кампанію ексгумації поховань у Катині і Вінниці авторами Майданека і Бабиного Яру.

Ця публікація має особливе значення для мене особисто. Приблизно десять років тому, коли автор ще працював у Центральному державному архіві кінофотофонодокументів УРСР *, нам під час заходів з підвищення кваліфікації демонстрували різну кінохроніку. Серед стрічок був німий (без фонограми) кіноролик під стандартною назвою «Жертвы фашизма» **. Відеоряд фіксував розриті поховання у якомусь саду, з ям дістають напівзотлілі людські тіла, рідні, здебільшого жінки, ходять повз трупи, з жахом вдивляючись у поживу смерті, лікарі-патологоанатоми роблять розтини смертельних поранень, на кущах і деревах розвішані залишки одягу для опізнання. І раптом – неймовірно! Постає справжнісінького поліцейя. Далі у групі людей німецький офіцер розмовляє з якимись поважними панамі. Але ж це не може бути маскарадом. Повторний перегляд шестихвилинної

* Тепер Центральний державний кінофотофоноархів України.

** ЦДКФФА України. Одиниця обліку № 3255.

стрічки на монтажному столі сумнівів не залишив – то були німці. Побачене запало в душу.

Згодом розриття вінницьких могил перестало бути таємницею, що, як з'ясувалося, існувала лише для нас. Ще тоді, у 1943 році авторитетна міжнародна комісія патологоанатомів, зібрана майже з усієї Європи, неспростовно довела, що тіла 9439 чоловіків та жінок, віднайдені в центрі Вінниці, пролежали у землі в середньому 5-6 років, а 675 ідентифікованих назавжди закріпили цей висновок.

У 90-х роках в Україні нарешті побачили світ дослідження, присвячені цим подіям. На зміну численним публікаціям у пресі і ніби акумулюючи їх, вийшов збірник «Вінниця: злочин без кари. Документи, свідчення»¹, а трохи згодом – «Народовбивство в Україні. Офіційні матеріали про масовий терор у Вінниці»², що по суті є перекладом звіту Міжнародної комісії для розслідування масових вбивств у Вінниці, створеної у 1943 році. Названі книжки найповніше розкривають тему, знайомлять зі свідченнями і документами, які можна було зібрати до останнього часу. Але в них немає одного суттєвого і важливого елемента, який був просто неможливий донедавна. Це документи самого НКВС кінця 1930-х років, пов'язані з Вінницькими подіями. Відтепер, коли напрямком діяльності органів держбезпеки, разом з утворенням Української держави, став захист конституційного ладу, а не ідеології диктатури пролетаріату, коли архівні підрозділи СБУ набули статусу Державного архіву, став можливим нормальний процес наукової розробки архівних фондів задля інтересів історичної науки і громадськості. Саме завдяки цьому під час планової роботи автор знайшов справи, які стали основою пропонованої публікації.

Виявилось, що у 1940 році самі ж слідчі органи НКВС УРСР порушили карну справу за фактами масових безпідставних репресій у Вінницькій області протягом 1938 року, які проводилися Вінницьким обласним управлінням НКВС, очолюваним тоді капітаном держбезпеки М.І.Корабльовим.

Після виходу у світ значної спільної праці – збірника «ЧК-ГПУ- НКВД в Україні: особи, факти, документи»³, підготовленого спільно Службою безпеки України та НАН України, відпадає необхідність біографічних посилань щодо деяких нижчезазначених осіб, дрібні виконавці, на мою думку, цього не заслуговують.

Карна справа на Корабльова І.М., Запутряєва О.М. та Ширіна Л.Н. * закінчилася закритим судовим процесом Військового Трибуналу військ НКВС Київського округу, який відбувся 26 квітня – 6 травня 1941 року у самій же Вінниці.

Під час процесу з'ясувалися факти злочинної діяльності слідчих та керівників підрозділів Управління держбезпеки УНКВС по Вінницькій

* Державний архів Служби безпеки України (далі – ДА СБ України). – Спр. 66927.

області Майструка В.Ф., Данилейка Г.П., Пришивцина А.Я., Бутенка М.С. Їх було затримано прямо у залі засідань. Разом з дослідженням діяльності Ширіна Л.Н. порушено карну справу *, яка, однак досить швидко закінчилась з огляду на початок Великої Вітчизняної війни. При цьому досить цікавою видається постанова про припинення карної справи (див. нижче).

Документи, відібрані для публікації з кількох десятків томів, повинні, на мою думку, закрити вільну до останнього часу нішу у дослідженнях Вінницької трагедії. Процес та механізм репресій має бути розкритий з середини – від першої особи – НКВС.

Спочатку історичний відступ. Після чергової зміни вищого керівництва НКВС СРСР наприкінці 1938 року, «втечі» Успенського О.І., почалася чергова чистка керівних кадрів. Не обминула вона і начальника Вінницького обласного управління НКВС майора державної безпеки Івана Михайловича Кораблева.

ДОКУМЕНТАЛЬНІ МАТЕРІАЛИ

Документ № 1

Народному Комиссару Внутренних Дел СССР

тов. Берия

бывш. Начальника Упр. НКВД по

Винницкой области – Майора

Госбезопасности – Кораблева

РАПОРТ

Тов. Берия, я прошу Вас прочесть мой этот очень краткий рапорт.

Согласно Вашего распоряжения, я снят с работы. Для меня вполне понятна общая ситуация, однако я не ожидал, что подпаду под общую мерку. Я всего только десять месяцев тому назад выдвинут на должность Начальника Управления. До этого, начиная с 1920 года, работал рядовым работником и с 1929 года – начальником отделения, выше Пом. Начальника Отдела Управления я не поднимался.

Назначая на должность Начальника Управления, меня никто не спросил, хочу ли я на эту работу идти, просто был издан приказ, которому я подчинился.

По этой должности, как и всю свою жизнь, я работал честно, по партийному, отдавал работе все, что мог и вместе с коллективом провел значительную, полезную работу, направленную на обеспечение успешного

* Там само. – Спр. 47806-ФП.

строительства социалистического общества.

Были ли в работе ошибки? – Конечно были. У кого их не было? Но были ошибки, а не извращения, с последним я решительно боролся, когда они вскрывались, а ошибки исправлял.

Одним словом, я работал честно, как подобает большевику. В этом я Вас могу заверить.

Вот все, что я хотел довести до Вашего сведения.

Кораблев

г. Винница – УССР

18 января 1939 г.

ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 25. – Арк. 39-40.

Машинопис. Завірена копія.

Пригнічений несправедливим ставленням, Кораблев двома пострілами у груди та скроню намагався покінчити з життям 30 січня 1939 р., але медицина виявилася сильнішою.

Надалі його було переведено на посаду заступника начальника Архангельського табору НКВС та будівництва Архангельського паперового комбінату НКВС СРСР.

Однак протягом 1939-40 років продовжували накопичуватись факти порушень соціалістичної законності у діяльності Вінницького УНКВС.

Спочатку у лютому 1940 року був заарештований колишній начальник 3-го відділу УНКВС Запутряєв О.М., а наприкінці травня і сам Кораблев І.М. Слідча частина УДБ НКВС УРСР розгорнула слідство за численними фактами необґрунтованих арештів, фальсифікації слідчих документів тощо.

Ось, наприклад, витяги з протоколу очної ставки між Кораблевим та Ширіним Лазарем Наумовичем (на той час ще свідком), проведеної 20 вересня 1940 року.

Документ № 2

[...]

Вопрос свид. Ширину: Расскажите все, что Вам известно о нарушениях революционной законности в период Вашей работы в УНКВД по Винницкой области, когда начальником был Кораблев.

Ответ: Я приехал в Винницу в апреле 1938 г., когда там в разгаре была массовая операция, дела по которой шли по судебной тройке. Какие там были нарушения. Нарушалась законность в смысле допросов. Система допросов была такая, людей допрашивали по несколько человек в одной комнате, могли сидеть 2-3 следователя, допрашивавшие своих арестованных и могли дожидаться еще 2-3 человека других арестованных. Всех их водили гуськом на допрос в вечерние занятия. Систему применения мер физического воздействия я тоже застал. Такая система продолжалась и

после. Этим делом занимались все работники в УНКВД [...]

Как производились аресты. Порядок я застал такой: в районах были организованы опергруппы, возглавлявшиеся оперативными работниками из УНКВД, по линии IV отдела был Грановский, по линии 3 отдела – Калганов и Тимофеев. Эти оперативные группы на местах составляли оперативные листы на основании данных, которые имелись, а если не было этих данных, то производилась соответствующая документация.

Оперативные листы высылались в областное Управление, причем они в большинстве случаев шли непосредственно к нач. отделов, минуя н-ка Управления. Такой порядок я уже застал у них, когда санкции оформлялись на аресты по оперлистам, давались отделами после того, как эти листы утверждались в области, в прокуратуре оформлялись постановления на аресты. В определенный период заседала тройка – Кораблев и Областной прокурор, а также секретарь обкома КП(б)У [...]

Для того, чтобы уточнить на месте, чтобы послать людей в район, этого в Виннице, конечно не было. Мне помнится, что в апреле выезжал в одну или две группы б. нач. IV отдела Надеждин. Вся эта работа шла быстрым темпом. Обычно к концу вечера начальнику УНКВД Кораблеву докладывались сведения о количестве сознавшихся. Между отделами существовало как бы своеобразное соревнование, в каждом отделе из районов звонили и сообщали цифры – сегодня 15, 20, 25, т.е. сознавшихся.

Бывало так, что за небольшое количество сознавшихся начальникам влетало. Вот например, быв. начальнику IV отдела Надеждину влетало от Кораблева. Помню, что Надеждин после подобного нажима собирал к утру оперсостав и в свою очередь требовал быстрых темпов в следствии, ускорения арестов и т.д. [...] Такой порядок существовал в районах все время. И тогда это считалось обычным, нормальным. Ни от Кораблева, ни от оперсостава я не слышал осуждения такой системы [...]

Вопрос свид. Ширину: – В отношении тройки более подробно расскажите, кто докладывал дела на Тройку, сколько дел в один прием пропускали, был ли такой факт, когда в один день рассмотрено 1000 дел, как фактически приходилось докладывать, заседала ли тройка в полном составе или докладывали одному начальнику.

Ответ: Мне лично пришлось раза три заходить на заседания тройки. Из районов приезжали, докладывали тоже и из оперативных отделов. Так один раз, когда я был, заседали Кораблев, секретарь Обкома Спивак и областной прокурор. Докладчик читал суть дела, освещал основные моменты дела. Сколько дел могли просмотреть в один вечер я не скажу Вам, но тысячи дел, конечно, не могли просмотреть. Читали конечно часа 2-3, может и больше [...] Прокурор или секретарь Обкома могли задать докладчику пару вопросов, но в этих случаях, которые я наблюдал, решал по сути лишь Кораблев [...]

Вопрос св. Ширину: – Расскажите в отношении арестов по

национальному признаку (поляк, немец), без компрометирующих материалов.

Ответ: Это относится к III отделу в смысле операций по ПОВ * и немцам. Основные обстоятельства прохождения этих операций таковы. Видимо из НКВД УССР были специальные директивы и Кораблев поднял весь аппарат на операцию по ПОВ [...] Была большая шумиха, доносили о ликвидации разветвленных формирований [...] С точки зрения масштаба и объема этой операции, конечно, мне думается, что там могли быть аресты не только на основе проработанных или агентурных материалов. Брели и по национальным признакам.

Вопрос св. Ширину: – значит Вы знаете, что брали.

Ответ: – Да по линии III отдела, который эту операцию проводил [...]

Вопрос св. Ширину: – кем была дана установка в части составления протоколов в отсутствие обвиняемого.

Ответ: Эта практика существовала в Киеве, где составлялись протоколы без обвиняемых. Это по-моему началось примерно с 1937 года, такая система была заведена здесь в Центральном аппарате.

Вопрос св. Ширину: – Расскажите более подробно о развороте след, дела по партизанам и роль в этом Кораблева.

Ответ: До определенного периода, я не помню какого мес., разговоров о партизанах не было, но потом настал период, когда Кораблев рассказал и затем прибыла директива из Киева относительно того, что на Украине вскрывается подполье среди быв. красных партизан и что в целом ряде областей и в Киеве вскрыты склады с динамитом и оружием. Одним словом директива была острая за подписью Успенского. В этой директиве было указание Кораблеву немедленно приступить к арестам. Помимо письменного указания со стороны Кораблева, он еще поднял на ноги всех, шли разговоры по телефонам. Выезжал б. начальник III отдела из Киева, кажется Ратынский, Кораблев выезжал в Каменец-Подольск в связи с этим партизанским делом, где находился Успенский. Кораблев рассказал, что на Черниговщине идут большие аресты, в Житомире, Каменец-Подольске, в особенности по вскрытию складов с оружием и ВВ. Помнится мне, что Могилев-Подольский окротдел искал пулеметы. Горячкой были охвачены все.

Аресты шли главным образом по линии III отдела, небольшая группа арестованных была и в IV отделе и дело это было направлено в суд. Были доказаны антисоветские разговоры, настроения, но не больше. Кораблев сильно нажимал на аресты партизан [...]

Вопрос св. Ширину: – Скажите, массовые аресты проводились без предварительной проверки материалов?

Ответ: Материалы считались проверенными, ответственность несли

* ПОВ – «Польська Організація Войськова». – *Авт.*

оперативные группы на местах, потому что они возглавлялись работниками области. Такой существовал порядок. Я хочу рассказать об оперативных совещаниях, которые проводил Кораблев. Они обычно протекали в таком духе: требования были повышены с его стороны – операции расширять, ударять по всем. Естественно это переносилось в аппарат и аресты шли.

Однажды был такой случай: приехал Кораблев, он был на совещании начальников УНКВД в Киеве. По приезде в Винницу, созвал широкое оперативное совещание всех работников районов, на этом совещании говорил следующее: «докладывал дела в Киеве, положение в Виннице признано удовлетворительным. Успенский был в Москве, докладывал руководству о делах на Украине и т.д., что видимо ожидается правительственная награда, и опять дал конкретные указания, по каким линиям арестовывать дальше. Это касалось массовых операций по ПОВ, причем указания были о развороте массовых операций [...]

Вопрос обв. Кораблеву: – Располагало ли УНКВД в то время какими либо данными о наличии антисоветского подполья среди красных партизан, кроме той ориентировки, которую получили.

Ответ: Я не помню, чтобы такие материалы были у нас. Этот вопрос по-видимому больше знает Ширин и другие работники, которые вели дела, они больше знают чем я. По крайней мере до получения ориентировки из Наркомата по красным партизанам, не было разговоров о том, что есть антисоветская организация среди партизан и т.д. С ориентировкой Наркомата появилась эта линия [...]

Вопрос обв. Кораблеву: – В отношении арестов считаете ли Вы, что во время Вашей работы в УНКВД допускали необоснованные аресты, которые исходили от Вашей неправильной ориентировки и ваших неправильных указаний.

Ответ: – Мои ориентировки исходили из ориентировок НКВД СССР и НКВД УССР, существовавших в то время, и никаких иных установок у меня не было [...]

Вопрос обв. Кораблеву: – А аресты по национальному признаку без наличия компрометирующих данных, аресты по признаку принадлежности к партизанскому отряду в прошлом, были ли такие случаи.

Ответ: – По этим вопросам я давал показания, что аресты по национальному признаку – это, прежде всего по полякам и немцам, эти аресты происходили с пониженными требованиями, в смысле наличия компрометирующих материалов. Почему. Потому что все ориентировки НКВД в 1937 и 1938 гг. указывали на обширные формирования шпионских резидентур польской и германской разведок и потому считалось практически, что для того, чтобы арестовать поляка, немца, для ареста лиц этих категорий требуется меньше материалов, чем для ареста других национальностей, т.е. определенный национальный подход в этом вопросе безусловно был и его прививали руководящие директивы НКВД СССР и

НКВД УССР [...]

Вопрос обв. Кораблеву: – А вот Ваша резолюция на оперативном листе.

Ответ: – Оперативный лист – это же не арест.

Вопрос обв. Кораблеву: – Это указание к аресту.

Ответ: – Оперативный лист составлялся, я его рассматривал. То, что находил не нужным – вычеркивал, остальное утверждал, это значило, что можно оформлять к аресту [...]

Вопрос св. Ширину: – Желаете ли чем-либо дополнить или уточнить свои показания.

Ответ: – Не могу согласиться с таким утверждением, что тройка заседала в тех случаях, когда накапливались дела. Это заявление мое не просто, как справка, оно имеет другое значение. В тот период был отпущен лимит на каждую область. В Винницкую обл., примерно, была цифра 3000 надо было эту цифру реализовать. Я приехал и застал такое положение, что при наличии такой цифры, надо ее освоить, отсюда тут могли подходить огульно и арестовывать [...] Кораблев приехал из Ленинграда, Винница считалась провинцией и с его стороны к руководящим работникам проскальзывало пренебрежительное отношение [...]

Что касается, в особенности по партизанам, нужно прямо сказать, что каких-нибудь материалов, характеризующих наличие а/с подполья, абсолютно не было, если бы они были, мы докладывали бы в свое время, оно было бы ликвидировано во всяком случае, не дожидаясь специальных указаний и директив, но что касается роли Кораблева, то он требовал нажима и с его стороны был высокий нажим. Мы, как зашпаренные бегали тогда [...] Кораблев требовал дополнительные лимиты по Винницкой области для проведения операции. По этому вопросу он звонил в Киев, говорил с наркомом.

Вопрос обв. Кораблеву: – Вы подтверждаете дополнительные показания свид. Ширина.

Ответ: [...] Не отрицая своей вины в необоснованных арестах, я считаю, что в основном аресты решались в отделах, а я лишь утверждал постановление, зачастую не проверяя фактического материала. По части вообще моей требовательности, безусловно я требовал работу и этого я не отрицаю, требовал от отделов, а соответственно от тех руководителей, которые были в этих отделах, поскольку с меня требовали, поэтому я требовал, и по моему каждый чекист понимал, что нужно инициативнее работать, так что в этом отношении я ничего особенного не нахожу.

Теперь в отношении лимитов. Я помню лимиты, я один раз просил дополнительно. Это было вызвано наличием соответствующего количества арестованных троичных контингентов. Я помню было совещание в Киеве в Наркомате, проводил совещание Успенский. На этом совещании Успенский заявил, что некоторые области могут получить дополнительный лимит за

счет перераспределения лимита троечных контингентов и спросил кому дополнительно нужны лимиты, дайте мне сведения сколько вам нужно, мы дадим вам требуемое количество.

В соответствии с этой установкой, я собрал данные, сколько потребуется дополнительно и послал соответствующую телеграмму в Наркомат.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 63-69.
Машинопис. Завірена копія.*

Аби закріпити попередній матеріал документально, пропоную низку офіційних документів секретаріату Вінницького УНКВС, затверджених Корабльовим, які, мабуть, особливих коментарів і не потребують.

Документ № 3

Совершенно Секретно

Народному Комиссару Внутренних Дел УССР
Комиссару государственной безопасности 3 ранга
тов. Успенскому
гор. Киев

Доношу, что в целях более активного разворота следствия по разгрому контрреволюционного подполья, мною проведено ряд мероприятий, давших некоторый оперативный результат.

Из прилагаемого графика учета движения сознаний арестованных видно, что количество получения признаний, начиная с 22 марта с.г. неуклонно растет.

Однако этот рост еще явно недостаточен и мною в соответствии с Вашими указаниями приняты необходимые меры к форсированию следствия.

Работа проводится следующим порядком: – созданы следственные группы в Гайсине, Жмеринке, Могилеве-Подольском и Тульчине, каждая из которых объединяет несколько районов.

Остальные районы работают самостоятельно. В виду неудовлетворительной работы Могилевской и Жмеринской группы, мною направлены на руководство ими лучшие работники Управления, внесшие перелом в работе.

Несмотря на это, общее состояние операции вызывает тревогу, т.к. арестованных по области на 7 апреля с.г. 2500 человек, аресты продолжаются и будут продолжаться (арестовываем, главным образом, по показаниям) и следовательно число арестованных возрастет.

Одновременно с этим направляю Вам записку О ходе операции по украинскому националистическому подполью. Показания высылаю дополнительно.

Из анализа этой записки Вы увидите, что нам предстоит еще значительные аресты повстанческого элемента.

Я уже высказывал Вам при личном докладе соображения о целесообразности продлить операцию. Выдвигаю и сейчас этот вопрос. Я считаю, что нужно продлить хотя бы до 1-го мая.

Независимо от этого мною приняты все меры к быстрейшему окончанию и рассмотрению на Тройке следственных дел.

Тройка начинает работать ежедневно.

Оформление дел на поляков, румын и по др. линиям – тоже форсирую. Однако разворот операций по этим линиям явно ничтожен. Принимаю меры к улучшению.

Начальник УНКВД по Винницкой области
капитан Государственной безопасности

(Кораблев)

7 апреля 1938 года
№ 1820503

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 5. – Арк. 68-70.
Машинопис. Оригінал.*

Документ № 4

Телеграмма

Киев НКВД Успенскому

Предоставленный по Тройке лимит использован полностью. Имеется ряд законченных дел – повстанческие отряды, группы подлежащие рассмотрению Тройке.

До разрешения вопроса в Центре об общем увеличении лимитов, – прошу предоставить мне дополнительный лимит за счет одного из Управлений НКВД хотя бы пока 300-500 человек первой категории ТЧК

Кораблев

27 апреля 1938 г.

гор. Винница – секретарь УНКВД (Гольштейн)

ДА СБУ. Спр.66927 — т.5. — Арк.54. Машинопис. Завірена копія.

Документ № 5

Киев НКВД

Успенскому

НР 47080 состоянию 29 апреля осуждены 2799 чел.

Из них: по первой категории — 2599, второй категории 200.

Из общего числа осужденных: участников украинской военно-повстанческой организации – 2344 чел., белогвардейской военно-повстанческой организации – 17, сионистской шпионско-террористической

организации – 72, церковно-сектантской повстанческой организации – 78, укр. нац. диверсионных и вредительских групп – 215, участников банд-группировок – 23, участников дашн. повстав, орг. – 1, одиночек – 49, в том числе проводивших пораженческую к.-р. агитацию – 36, уголовников-рецидивистов – 13. [...]

Социальный состав осужденных:

рабочих	114
служащих	790
колхозников	1425
единоличников	133
без опред. занят.	337

Из дополнительно представленного лимита – 400 чел. первой категории остаток на 29 апреля – 301 чел.

Кораблев

29 апреля 1938 г.

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 5. – Арк. 55-56.
Машинопис. Завірена копія.*

Слід уважно придивитись до дат документів № 3 та № 4 і ви побачите, що буквально за 1-2 дні у яму було скинуто 99 засуджених за першою категорією.

Документ № 6

Совершенно Секретно

Народному Комиссару Внутренних Дел УССР
Комиссару государственной безопасности 3 ранга
тов. Успенскому
г. Киев

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О работе Тройки УНКВД по Винницкой области

За время с 26 марта по 10 мая 1938 года Тройкой рассмотрены дела по вскрытым и ликвидированным к.-р. формированиям:

по украинскому националистическому повстанческому подполью вскрыты: областной комитет, 26 межрайонных повстанкомов, 16 райповстанкомов, 97 повстанческих отрядов и 125 боевых групп.

По вскрытым и ликвидированным повстанческим формированиям осуждено участников – 3112 чел. в том числе:

петлюровский комсостав	386
------------------------	-----

рядовых петлюровцев	1054
бывш. политбандитов	189
-"- кулаков	248
-"- полицейских и жандарм.	11
-"- сотрудников царск. охр.	18
-"- белых офицеров	20
из них	
капитанов	1
штабс-капитанов	2
поручиков	8
прапорщиков	6
воен. чиновников	3
бывш. офицеров царской армии	46
из них	
полковников	5
капитанов	4
штабс-капитанов	3
поручиков	8
подпоручиков	6
прапорщиков	10
царских чиновников	10
бывш. чл. УПСР	56
-"- УКП	8
боротьбистов	3
бывш. участник, к-р. восстав.	414
-"- к-р. орган.	280
украинских националистов	347
бывш. служит, культа	6
меньшевиков	4
церковников	22

По ровсовскому подполью вскрыты 3 военно-повстанческие организации. Осуждено по ним 26 чел., в том числе:

полковников белой армии	3
подполковников	1
капитанов белой армии	3
штабе капитанов	1
поручиков	7
поручиков царской армии	4
прапорщиков белой армии	2
подпоручиков белой армии	3
военных чиновников	2

По церковно-сектантской к-р. вскрыты 6 повстанческих организаций. Осуждено 96 участников, в том числе:

служителей культа	22
рядовых петлюровцев	9
бывш. кулаков	5
сектантов	51
церковников	8
бывш. участников к.-р. восстан.	1

По сионистскому подполью вскрыты 3 шпионско-террористических организации. Осуждено участников 87 ч.

По дашнакской повстанческой организации осужден 1 чел.

По эсеровскому к-р. подполью вскрыта одна группа. Осуждено участников 6 чел.

Вскрыты и ликвидированы 5 бандитских к.-р группировок. Осуждено участников 23 чел., в том числе бывш. участников к-р. восстаний 9 чел.

Кроме того осуждено одиночек-уголовников 13 и одиночек, проводивших пораженческую к-р. агитацию 36 чел., в том числе:

рядовых петлюровцев	21
бывш. кулаков	12
бывш. политбандитов	3

Представленный лимит на 3400 человек в том числе по первой категории 3200 чел. и по второй категории 200 чел. на 11-е мая 1938 г. полностью использован.

На 11 мая 1938 г. осталось подследственных арестованных 1.103 чел., из них:

троцкистов и правых	32
участников военно-фашист. заговора	5
по румын, к-р. и ш/п	57
по латвийской к-р. и ш/п	5
по чешской к-р.	1
по эстонской к-р.	1
украинской нац. к-р. повстанч.	83
белогвардейской к-р	14
сионистов	5
бундовцев	11
пораженческ. к-р. агитация	3
жен изменников родины	4

По польскому к-р подполью вскрыты и ликвидированы: 1 – областная комендатура «ПОВ», 5 межрайкомендатур, 11 райкомендатур и 103 «боювки», арестовано по ним на 11 мая 877 чел.

По немецком к-р. подполью имеется всего арестованных – 5 человек.

Командных кадров по линии украинской контрреволюции подлежащих аресту на 11-е мая на учете не имеется: по ровсовской линии всего имеется на учете 10 чел., которые подвергаются аресту.

Рядовых петлюровцев и бывш. политбандитов на учете в области

имеется около 2000 человек.

Нач. Управления НКВД УССР по Винницкой области
капитан государственной безопасности

Кораблев

15 мая 1938 г.

№ 1820536

г. Винница

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 5. – Арк. 57-60.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 7

Сов. Секретно

Цифровые данные

*о работе б. Тройки УНКВД по Винницкой области
за время с 26/III по 3/CI 38 года*

Дата заседания Тройки	Колич. рассмотр. дел.	По ним осуждено		
		Всего	Из них	
			по 1-й категории	по 2-й категории
1	2	3	4	5
26/III	67	97	94	3
27/III	119	135	133	2
05/IV	128	163	156	7
07/IV	120	221	202	19
08/IV	106	165	159	6
09/IV	104	229	223	6
10/IV	62	178	167	11
11/IV	15	154	145	9
19/IV	37	240	236	4
20/IV	36	113	81	32
21/IV	26	165	160	5
22/IV	49	181	169	12
23/IV	64	255	239	16
25/IV	77	213	197	16
26/IV	44	191	139	52
28/IV	22	99	99	—
05/V	39	165	157	8
09/V	62	262	258	4
10/V	76	201	186	15
20/IX	189	210	177	33
21/IX	68	141	115	26
22/IX	67	150	139	11
25/IX	64	150	127	23
26/IX	54	200	187	13
27/IX	163	298	250	48
28/IX	175	301	274	27
29/IX	139	197	150	47
01/X	94	150	120	30

02/X	79	131	109	22
07/X	126	149	123	26
03/XI	29	32	19	13
Всього:	2490	5536	4990	546

Нач. I спецотд. УНКВД по Винобласти
мл. лейтенант госбезопасности

(Перепеляк)

19/VII-1940 г.
г. Винница

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 5. – Арк. 151-152.
Машинопис. Оригінал.*

А ось подібних документів у карних справах сотні. Пропоную саме цей тому, що довідка на арешт стосується особи, яка значиться під № 666 у списку ідентифікованих⁴. Загалом же більше двадцяти ідентифікованих жертв репресій мають документальне підтвердження у досліджуваних справах НКВС.

Документ № 8

Совершенно секретно

Утверждаю:

нач. УНКВД по Вин. области
капитан госбезопасности
(Кораблев)

«14» июня 1938 года

СПРАВКА

на Якубовского Бонифатия Васильевича

56 лет, поляк, гражданства СССР, уроженец и житель села Войтовцы, Хмельникого р-на Винницкой области, беспартийный, работает в колхозе.

По показаниям арестованного активного участника «ПОВ» Амонса Юлияна, он завербовал в указанную организацию Якубовского. На основании изложенного Якубовский подлежит аресту.

Врид. нач. 3 отдела УГБ ВОУНКВД
лейтенант госбезопасности

(Токарев)

Начальник отделения 3 отдела

мл. лейтенант госбезопасности

(Яцунский)

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 11. – Арк. 210.
Машинопис. Оригінал.*

Документ № 8а

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1938 года, июня « » дня, гор. Винница

Областной прокурор Тернивский, рассмотрев материал, представленный Виноблуправлением НКВД на Якубовского Бонифатия Васильевича, по обвинению в том, что он является участником контрреволюционной, националистической организации «ПОВ», т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-4, 54-11 УК УССР.

Принимая во внимание, что находясь на свободе, он может скрыться от следствия и суда

Постановил:

Ходатайство Виноблуправления НКВД о санкции на арест и содержание под стражей Якубовского Бонифатия Васильевича удовлетворить.

Областной прокурор

(Тернивский)

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 11. – Арк. 211.
Машинопис. Копія.*

Загальну картину боротьби Вінницького УНКВС з «ворожими» силами можна довго складати з багатьох документів, вміщених у справах. Найбільш важливі моменти містяться у свідченнях колишнього співробітника Управління Майструка В.Ф.

Документ № 9

Витяги з власноручних свідчень Майструка В.Ф.
від 20 липня 1940 року.

[...] Операции проходили таким образом: из НКВД СССР или НКВД УССР, точно не знаю, но во всяком случае сверху для УНКВД спускался план, назывался «лимитом», кажется, на месяц.

В этом «лимите» давалась цифра на I категорию (на расстрел) и на II кат, в основном подлежащих осуждению на Тройке УНКВД сроком до 10-ти лет. Кораблевым или пом. нач. УНКВД Бутенко не знаю кем лично, но во

всяком случае руководством ориентировались на эту цифру начальники оперативно-следственных групп в районах (этих групп было создано по области 6 или 7), а также оперативный состав УНКВД, и затем нажимали на выполнение этого плана. Оперативно-следственные группы между собой, как бы если можно так выразиться, «соревновались», кто больше даст людей на Тройку по I кат., а также по второй, причем не одиночек, а «Организованной к-р».

[...] По делам представляемым на Тройку УНКВД следствие велось крайне упрощенно, так же оформлялись дела и на «Альбом». Короткое признание арестованного, в лучшем случае 2-3 свидетеля и дело считалось законченным.

Как правило, эти показания арестованных, нередко полученные при помощи физических методов воздействия, не перепроверялись с точки зрения их правильности, что и приводило в ряде случаев к необоснованным арестам. Таким образом была сфабрикована право-троцкистская молодежная организация «молодая генерация», во 2-м отделе по которой было арестовано около 14 чел. руководящих партийно-комсомольских работников, в том числе и один сотрудник НКВД. Эта «организация» была «вскрыта» т.е. сфабрикована по директиве НКВД УССР «ориентировавшего» на наличие якобы такой организации на Украине [...]

Таким же образом была сфабрикована диверсионная организация в сахарной промышленности по которой был арестован глав. инж. сахаротреста орденоносец Кожушко и группа других работников сахарной промышленности.

В тот же период времени была вскрыта так называемая контрреволюционная повстанческая организация бывш. красных партизан [...]

В марте или феврале 1938 года, не точно, во всяком случае в первой половине 1938 года Запутряевым была «вскрыта» диверсионно-шпионская организация по Винницкому мединституту. Был арестован Калина зав. кафедрой микробиологии, который в подписанном Кораблевым и Запутряевым протоколе дал обширные показания об этой возглавляемой, якобы им лично диверсионно-шпионской организации. По делу было арестовано 10 или 11 человек [...]

Примерно аналогичным образом была вскрыта по б. 4-му отделу, бундовская организация. В апреле месяце 1938 года из НКВД УССР была получена очередная директива-ориентировка о развороте операции по к-р. бундовскому подполью и об аресте активных кадровых бундовцев [...]

Вообще, как правило, показаний арестованных в то время никто не проверял, не документировал, что открывало широкую возможность безосновательных арестов по непроверенным клеветническим показаниям.

За рахунок чого досягалися успіхи у «викорчовуванні контрреволюції», розповідають жертви та свідки.

Документ № 10

Витяги з Протоколу допиту Кобилянського К.Г.
від 19 липня 1939 року.

После моего ареста, который был произведен Редером, в помещении Обкома, я был тут же направлен в Облуправление НКВД в 40 комнату к Редеру [...]

Допрос продолжался приблизительно часа 1, ½ – 2 и меня отправили в камеру. Ширин мне заявил, что я поляк, и отправляя в камеру добавил: «Иди подумай ты поляк», когда я ему сказал, что я украинец, тогда Ширин крикнул «националист, молись богу», и требовал чтобы я молился. Но поскольку я молиться не умею, то Ширин стал заставлять меня петь. Тем временем Редер ко мне подходил, наступал ногами на мои носки [...]

Ширин и Редер мне заявили, чтобы я учел, что кто сюда попадает, обратно не выходит и предложили мне выбирать, или смерть или дать показания какие им нужны [...]

В тот же день вечером, я был вторично вызван на допрос к Ширину и Редеру, они были вдвоем. Они требовали дать показания о моей к-р. деятельности. Во время допроса ко мне подошел Ширин и кулаком ударил в лицо, я свалился со стула. По его приказанию я встал и обратно сел на стул и Ширин тогда нанес мне кулаком 3-4 удара в лицо [...]

В процессе следствия по моему делу меня Ширин бил еще 2 раза, точно числа не помню. Ширин меня избивал кулаком в затылок, бросал меня со стула и пр., сажал меня на угол стула и ударами сбрасывал со стула. [...] эту боль я не мог выдержать и заявил Ширину, что буду писать все, что они потребуют.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 78.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 11

Витяги з протоколу допиту Платинського Д.Н. від 23 жовтня 1939р.

[...] Когда я вошел в кабинет, Майструк задал вопрос Лаврентьеву, как моя фамилия и даю ли я показания. Лаврентьев ответил «Да дает». Тогда я заявил, что никакого показания не давал и давать не буду. Ко мне подошел Майструк и заявил, что если я буду отказываться давать показания, они меня

будут бить и доведут до того, что все равно буду все подписывать. Тут же Майструк дал мне лист бумаги и начал мне диктовать заявление на имя начальника управления НКВД о том, что якобы сознаюсь, что являюсь участником организации «Бунд» и т.д. Я категорически отказался это сделать заявляя, что это клевета, я никогда не был бундовцем и никогда к/р деятельности не проводил. Тогда Майструк стал меня избивать толстой веревкой, а Тищенко кулаками стал наносить мне побои. Последний проявил при допросе особую активность, избивал меня прессом, линейкой и руками, все добиваясь от меня показаний о к-р. деятельности [...]

Тем временем в кабинет к Лаврентьеву в момент моего допроса заходили неоднократно и другие следователи, которые меня тоже избивали: Майструк несколько раз ручкой нагана по голове, по груди по рукам, Редер – ножкой от стула, кулаками, Решетиллов – палкой и кулаками. 2-3 раза они меня избили до того, что я терял сознание, они меня обливали водой и после допроса приходил в камеру мокрый [...]

Таким образом, меня систематически избивали на протяжении 9-10 дней подряд, что я не вытерпел и заявил Лаврентьеву, который считался моим следователем: «Пишите, что угодно, я все подпишу». [...]

Перед судом меня вызвал Решетиллов, который угостил меня чаем, булочкой и требовал, чтобы я ему откровенно сказал – существовала ли эта организация или нет. Я ему заявил, что это лишь ложь, я никогда не вербовал, меня никто не вербовал и ни в какой организации я не состоял. Тогда Решетиллов схватил со стола пресс и начал меня избивать, заявляя, что с таким настроением он меня на суд не пустит, а передаст на Тройку.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 83-85.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 12

Витяги з протоколу допиту Кожушка А.Т. від 26 серпня 1940 р.

Вопрос: В своем заявлении на имя пред. СНК СССР т. Молотова Вы указываете, что за время нахождения под стражей в УНКВД по Винницкой области, следствие по Вашему делу велось необъективно, незаконными методами.

Расскажите, кто вел следствие и в чем именно заключаются незаконные методы применяемые к Вам.

Ответ: [...] Я прошу еще раз зафиксировать отдельные факты примененных ко мне физических мер воздействия и издевательств следователями Данилейко, Антоновым и Мартынюком. Меня обнаженного клали на стул так, что голова руки и ноги свисали. На мои руки становился сапогами Мартынюк. Антонов держал меня за ноги, а Данилейко избивал, затыкая при этом мне рот. Меня сажали часть на острый конец стула таким образом, что

я всей тяжестью тела опирался только конечностью позвоночника. Однажды я просидел в таком положении больше суток, при чем мне не разрешали подняться даже по естественной надобности. В описанном выше положении я должен был сидеть с вытянутыми ногами, опущенными руками и неподвижным взглядом в потолок.

При малейшей попытке изменить положение, на меня обрушивался град побоев. Два раза я падал в обморок, тогда Данилейко бил и топтал меня ногами.

Антонов грел мне щеку и шею горячей папиросой и когда я отклонял голову в другую сторону, то Данилейко наносил мне удары по голове крича: «Не отклоняй головы». [...]

Следователю Антонову я однажды заявил, что в стране живущей по законам Сталинской конституции не имеют права такими методами вести следствие. В ответ на это Антонов начал меня избивать, приговаривая: «Вот тебе Конституция. Вот тебе право».

Меня также пугал Данилейко арестом моей жены и отправлением детей в изолятор.

Такими методами меня и вынудили дать на себя вымышленные показания и оговорить других людей, от чего я отказался при первой возможности.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 104-105.
Машинопис. Завірена копія.*

І, нарешті, найсуттєвіше, найяскравіше та найжорстокіше свідчення жертви репресій.

Документ № 13

**Витяги із скарги в'язня загону № 4 Свидського відділу
Каргопольського табору НКВС СРСР Борисова К.П.
на ім'я Генерального Прокурора СРСР Вишинського А.Я.**

[...] В час ночі на 6.6.38 я був вызван в кабінет № 74 к Антонову, котрий мене продержав до 6 часів утра. Все это время я стоял на ногах около стенки. Следователь Антонов требовал у меня ответа на заданные им три вопроса. Я ему ответил, что вопросы эти глупые и отвечать на них я не буду.

Тогда следователь Антонов стал мне наносить удары по всему телу и, наконец, ногой вытолкнул из кабинета и отдал конвоиру для отправки в камеру № 6. Староста камеры увидев меня побитым, посоветовал подписать все, что напишет следователь, лишь бы сохранить здоровье и тут же добавил, что если я не подпишу, надо мной будет проведена инквизиция.

Первая инквизиция началась 14 июня 1938 г. «Полет с парашюта», т.е. выбивание из под меня стула. После падения я получал ушибы позвоночника и расстройство желудка, сопровождавшегося рвотой. Таких «полетов» было организовано 10 раз [...]

Далее я был снова вызван в кабинет № 74 к Антонову, где застал также н-ка 4 отд. Ширина. Из кабинета № 74 меня провели в кабинет Ширина, туда же одновременно со мной провели какого-то арестованного с орденом на груди. Нач. Ширин, увидя орден Ленина сорвал его с арестованного и бросил в угол, куда меня поставили. Я нагнулся, чтобы поднять орден Ленина, но тут же на меня набросились следователи и стали бить ногами [...]

В 2 часа ночи конвоиры, избивая, потащили меня опять в кабинет к Антонову. Антонов набросился на меня с побоями. Вскоре пришел Ширин и набросившись на меня с угрозами, стал требовать, чтобы я указал ему местонахождение несуществующего склада оружия. Я ему заявил, что это его фантазия, что ни о каком складе оружия я не имею представления. Тогда меня перевели в кабинет № 51, плохо освещенный, где был один диван и два стула. Тут же мне снова предложили, чтобы я говорил и клеветал на себя. Я решительно отказался. Тогда Ширин позвонил и в кабинет пришел следователь Гуня пьяный и с ним, также пьяный Антонов. Они заткнули мне рот фуражкой и положили на стул спиной кверху. Гуня вывернул мне руки на спину, а голову заложил промеж ног. В это время нач. 4 отд. НКВД Ширин стал меня бить ножкой стула. Я потерял сознание и очнулся лишь в коридоре облитый водой. Рядом со мной в коридоре, также без сознания валялся какой-то труп. Потом я узнал – это был командир красного партизанского отряда, инвалид, персональный пенсионер т. Асауляк [...]

Товарищи по камере пришли в ужас, увидев меня всего избитого. Они насчитали 33 черных полосы от побоев ножкой стула [...]

Через три дня меня опять вызвали в кабинет № 74 к Антонову и опять повторилось все то же – снова меня усадили на стул, привязали к спинке стула. Ширин вышел, а два следователя Антонов и Гуня в пьяном виде, хвалились что выпили по сто грамм спирта стали надо мной издеваться. Я потерял сознание. Антонов в этом же кабинете № 51 заснул на диване, а Гуня вытащил из кармана стальной предмет, открыл мне рот и наставляя на каждый зуб прессом стал ломать и скалывать мне зубы. Таким образом он сломал мне три зуба – один нащербил, а два совсем выбил. А когда я потерял сознание, он облил меня водой, отвязал от стула и поставил к стене. В это время проснулся Антонов. Гуня занял его место, а Антонов начал бить меня боксерскими приемами [...]

Через пять дней меня вызвали в кабинет № 74, где я застал Антонова и Гуню, это было около 3-х часов. Следователь Гуня сказал, что пора ехать. Меня вывели во двор, где стоял «черный ворон». Меня ввели туда, положили лицом вниз, на пол с завязанными руками и глазами и повезли. Ехали мы долго. Потом остановились. Меня вытащили из «черного ворона» и куда-то

повели, все время держа за руки. А когда мне развязали глаза, то я увидел что стою около вырытой могилы на кладбище «Каличье». Тут же Антонов мне предложил ответить на «три вопроса». Я категорически отказался, тогда Антонов заявил мне, что он расстреляет меня. Я сказал: «Можете расстреливать, а врать и клеветать я ни на кого не буду». Следователь Гуня стал щелкать револьвером и проделал три спуска револьвера. После этого меня с повязанными глазами повели обратно. По дороге у меня упала с глаз повязка. Когда подошли к «черному ворону» шофер по фамилии Шкребот начал бить меня ручкой от дверцы. Затем привезли снова в НКВД и потребовали от меня подписи, что я никому не буду говорить о происшедшем [...]

26 августа суд. спец. коллегии Винницкого областного Суда, при закрытых дверях, в здании тюрьмы рассматривал дело по обвинению нас, как бывших красногвардейцев партизан и командного состава – во время гражданской войны, в принадлежности к Украинской националистической военной боевой организации. Я и все обвиняемые виновными себя не признали [...]

Я и все обвиняемые заявили, что нас пытали и избивали и тут же просили суд вызвать на заседание свидетелей наших сокамерников. Суд вызвал лишь свидетелей со стороны следователей, также обоих подследственных Козиса и Суханского [...]

Козис говорил явную ложь. Надо учесть, что сам Козис бывш. зам. пред. обл. Винницкого исполкома, еще сидя в камере, в мае мес., в 20 числах 1938 г. при тюрьподе * Обл. Вин. НКВД получил задание от н-ка 4 отдела, чтобы он дал список на вербовку красногвардейцев и партизан, чего он Козис не мог сделать. И вот придя в камеру № 14, стал просить совета у товарищей по камере, как ему выполнить задание данное ему н-ком. На помощь ему пришел бундовец Дыклер и стал составлять список на красных партизан и красногвардейцев. Первый список состоял из всех евреев. Этот список н-к отдела не принял, так как евреи к националистической украинской партии не подходят и приказал сделать из украинцев. Список был пересоставлен на другую группу. На нас 8 человек, этот список н-к одобрил и Козиса накормил котлетами и колбасой с булкой [...]

В результате я был приговорен Винницкой спецколлегией Обл. суда к расстрелу. И только Верховный Суд СССР, куда направлена жалоба, заменил мне расстрел 10 (десятью) годами лагеря.

Так же было и с прочими обвиняемыми по настоящему делу.

ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 87-89.

Машинопис. Завірена копія.

Однак не всі справи закінчувалися навіть трійкою. Бувало і так:

* Тюрьпод – тюремний підвідділ. – Авт.

Документ № 14

Следственный

История болезни

Павлюк Иван Магантович

42-х лет грамотный, украинец, женат из села Кистовцы Улановского р-на, учитель.

Поступил 25/III 1938 года в 16 часов

Умер 25/III 1938 года в 20 часов

Диагноз при поступлении:

кровоизлияние внутренних органов

26/111938 года больной был доставлен из тюрьмы в тяжелом состоянии с жалобами на резкие боли в животе, задержку мочи и стула.

Больной вышесреднего роста правильного телосложения удовлетворительного питания, дыхание поверхностное и частое, язык влажный, слегка обложен, пульс слабого наполнения. На бедрах отдельные кровоподтеки, такие же кровоподтеки на ягодицах, спине, пояснице в области живота до сосков.

Общее состояние больного тяжелое. Все время стонет, по словам больного не мочился и не испражнялся два дня. Пузырь прощупывается переполненный, резкая болезненность, после клизмы стул был, моча спущена катетером. Через 2 часа пульс стал падать, появились рвоты, пульс малый, состояние ухудшается. Наступила смерть при явлении падения сердечной деятельности.

На секции обнаружено кровоизлияние в области нижней доли печени, селезенки, в обеих почках. Значительное кровоизлияние на задней поверхности. Кровоизлияние в области легких и в некоторых отделах тонких кишек.

Смерть последовала от кровоизлияния во внутренних органах.

(подпись врача Гольдиной)

(главврача Мильштейна)

(печать)

Заверяю: Нач. медсанчасти тюрьмы

(Кренис)

ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 5. – Арк. 177.

Машинопис. Завірена копія.

Для об'єктивної оцінки подій додамо свідчення співробітників НКВС, зроблені під час слідства.

Документ № 15

Витяги з допиту свідка Шапамова І.М. від 27 червня 1939 р.

[...] Я обратил внимание на то, что все обвиняемые, которые не давали показаний о принадлежности к контр, революц. организации передавались бывш. зам. нач. 4-го отдела Ширину и Редеру, у которых была комната называемая «лабораторией» (это был кабинет Редера). Ширин и Редер обыкновенно закрывались в этой комнате и устраивали допросы тем, кто не давал на себя показаний. В эту комнату новых работников не пускали. Помню такой случай, у меня на следствии был арестованный член коллегии защитников по фамилии, если не ошибаюсь Гацкевич. Этот Гацкевич у меня на допросе отрицал свое участие в к/рев, организации [...]

Ширин предложил мне зайти к нему в кабинет с арестованным Гацкевичем. Подойдя к Ширину в его кабинете, он мне на ухо предложил ударить по уху арестованного Гацкевича от чего я отказался. В это время в кабинет к Ширину зашел Редер и обратился к Гацкевичу, почему он не дает показания. Получив ответ, что он не виновен, Редер ударил Гацкевича кулаком по уху, после чего Гацкевич начал кричать. Ширин поставил стул, а Редер положил Гацкевича на этот стул, достал лежавшую на шкафчике у Ширинина палку-ножку от стула и начали крепко избивать Гацкевича.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 10. – Арк. 43.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 16

Із свідчення Волошина В.В. особливоуповноваженому НКВС УРСР
Твердохлібенку від 19 липня 1939 р.

По существу поставленных вопросов, что мне известно об искривлениях в Винницком УНКВД могу сообщить следующее:

В июле 1938 г. я ездил в Винницкий горком КП(б)У сниматься с партучета. В Виннице я пробыл один день. Закончив свои дела, я зашел в УНКВД, где застал следующую картину.

Во 2-м отделе, возле дверей комнаты № 48 была сложена целая куча фуражек, ботинок и какой-то одежды. Заинтересовавшись в чем дело, я зашел в комнату № 48. Там в углу стояли строем человек 12-15 арестованных, а перед ними ходили два или три следователя, из вновь прибывших в органы и требовали дать показания.

Фамилии этих арестованных и следователей я не знаю, но, предполагаю, что это по украинскому отделению 2-го отдела, т.к. комната № 48 – украинского отделения.

Выйдя из этой комнаты я встретил кого-то из знакомых работников и спросил, что это за «коллективные» допросы и кто их разрешил делать.

Мне ответили, что это еще ничего, зайти в комнату № 50, там увидишь еще не то.

В комнате № 50 также стояли в строю человек 10 арестованных. У окна было 3 или 4 сотрудника, из которых я помню оперуполномоченного Юнанова.

Посредине комнаты на табурете лежал арестованный, два других арестованных его держали за ноги и голову, а третий в момент моего прихода, стоял с палкой в руке, прекратив бить лежащего. Последний в это время давал уже «показания» и ему разрешили встать.

Вслед за этим, Юнанов обратился к группе арестованных, кто дает показания дальше. Последующий арестованный заявил, что он дает показания и начал рассказывать в чем он виноват.

Я отозвал Юнанова, сказал ему, что этого делать нельзя, но он только рассмеялся и сказал, что это приказание Кораблева (быв. нач. УНКВД).

От Юнанова я зашел к быв. нач. 2 отдела Надеждину, рассказал обо всем, что видел, заявив, что это искривление.

Надеждин, выслушав меня с улыбкой сказал, что это в порядке вещей, допрашивают «Троечный материал» (его выражение), ему надо дать в день 70 протоколов-сознаний.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 110.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 17

**Витяги з власноручних свідчень Татарчука О.О.
від 10 серпня 1939 р.**

В ответ на поставленные передо мною вопросы, сообщаю нижеследующее:

Работая последние пару лет, в большей части на следствии при УНКВД по Винницкой области, мне приходилось неоднократно слышать, а также частично и видеть отдельные факты искривлений и нарушений УПК и УК в проведении отдельных следственных действий.

«Коллективные» методы допроса. Суть их заключалась в том, что одновременно вызывались в комнату к следователю 5-10 человек арестованных, из коих обычно один допрашивался, а остальные стояли и ждали своей очереди.

Впервые этот метод я наблюдал в 6.4 отделе у следователей Редера, Иванченко, иногда приходилось так же видеть Ширина б. зам. н-ка 4 отдела.

С введением этого метода число показаний-признаний арестованных значительно выросло и 4 отдел с его штатом следователей был впереди других отделов и в почете перед командованием в лице Кораблева быв. нач. УНКВД.

Бывали случаи, когда ночью (работали тогда до 5-6 часов утра) слышались непрерывные крики со второго этажа – месторасположение б. 4 отдела. И в разговоре среди работников УНКВД можно было слышать, что эти крики идут из «лаборатории» Редера.

Попасть в комнату к Редеру в момент такого допроса нельзя было, не пускали, и мои неоднократные попытки посмотреть, как «ведутся» эти допросы при помощи ножки от стула, не увенчались успехами.

В то время все же носились слухи, что Иванченко держал арестованного за ноги, Редер зажимал голову между ног (арестованный лежал на стуле животом и Редер же бил ножкой от стула арестованного, Ширин командовал, а арестованные 5-10 человек стояли в комнате и ждали своей очереди [...])

По слухам (не помню кто мне говорил или т. Назаренко или т. Грановский) в Жмеринской оперследгруппе нач. Запутряева, устраивались так называемые «концерты» — аналогичные «лаборатории» Редера.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 2. – Арк. 186-187.
Рукопис. Оригінал.*

Про те, що «лабораторні дослідження» проводились не лише в обласному центрі, свідчить наступний матеріал.

Документ № 18
Витяги з допиту свідка Клятишева М.О.
від 3 травня 1940 р.

[...] В конце апреля м-ца 1938 года во время разгрома антисоветских формирований «ПОВ» была организована Жмеринская межрайонная следственная группа, которую возглавлял Зам. нач. 3 отдела УНКВД – Запутряев. В межрайоперативную следственную группу в то время входило и ОДТО – ст. Жмеринки, где нач. ОДТО в то время был я.

Во время работы Жмеринской межрайгруппы, меня Запутряев стал обвинять в том, что в ОДТО не применяются меры физического воздействия к арестованным, а потому мало признаний и недостаточный разворот следствия.

С этой целью в первой половине мая м-ца 1938 года, Запутряев в ОДТО собрал оперативное совещание. На этом совещании Запутряев обвинил меня и работников ОДТО за то, что мы не применяли мер физического воздействия при допросах ко всем, благодаря чему мало признаний, при этом заявил, что этот метод допроса себя оправдал, межрайгруппа имеет ежедневно признаний 18-20 (человек) и потребовал на совещании, чтобы мы работники ОДТО учли опыт межрайгруппы и начали допрашивать так как в группе.

На второй день после проведенного совещания Запутряев вызвал меня в межрайгруппу в г. Жмеринку, чтобы показать, как нужно работать с арестованными.

Когда я пришел в Жмеринское Райотделение НКВД, где помещалась следгруппа, то в одну из комнат было вызвано человек 13 арестованных, которых поставили лицом к стене в ряд, один из следователей, в присутствии Запутряева, меня и еще некоторых следователей, взял ножку от стула и стоя за спиной арестованного, стал спрашивать: «кто будет писать заявление о принадлежности к «ПОВ», и когда спросил несколько раз и никто не ответил, стал крайнего избивать. Через некоторое время избитый и еще два человека заявили, что они принадлежат к организации «ПОВ» и об этом напишут заявления. Этих сразу забрали на допрос, а остальных продолжали избивать [...]

При последующих посещениях межрайгруппы, мне неоднократно лично приходилось наблюдать такие допросы. В результате от избиений в Жмеринской следственной группе около 6 человек умерло, из которых лично я знаю Лозинский – врач, около 70 лет, Лозинский около 40 лет или больше проработал врачом в гор. Жмеринке, второй умер от избиения – Краф – немец, хотя точно сейчас фамилию не помню. Все избиения, как правило, проводились в присутствии Запутряева.

В конце мая м-ца 1938 года Запутряева отозвали в УНКВД, а на его место прибыл Грановский, который также продолжал применять избиения арестованных группами.

Жмеринской оперативной группой за апрель и май было арестовано больше 100 человек, на которых совершенно не было компрометирующих материалов, за исключением показаний полученных при помощи избиений. Образцом может служить освобожденный мною инженер депо ст. Жмеринка Сиклицкий Николай Александрович, который дал показания о принадлежности к организации «ПОВ» и что имел задание испортить музыкальный инструмент. Сиклицкий был арестован как поляк, хотя сам по национальности русский.

Поголовное избиение привело к тому, что из села Тартак Жмеринского р-на арестованы почти все мужчины и до 90% осуждены по 1-й категории.

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 2. – Арк. 161-162.
Машинопис. Завірена копія.*

У процесі слідства розкривалися нові подробиці подій 1938 року на Вінниччині у період проведення «масових операцій» (тепер можна говорити – ліквідацій).

Документ № 19
Витяги з протоколу допиту свідка Алексеєвої О.Т.

від 16 серпня 1939 р.

[...]

Вопрос: – 1937 и 1938 годы в каких отделах Вы работали?

Ответ: Я работала в должности машинистки 4 отдела, ныне II отдела Винницкого УНКВД.

Вопрос: – Вам приходилось печатать справки на арест и постановления?

Ответ: – Да, справок на арест мне приходилось очень много печатать и особенно мне много пришлось печатать справки на арест в мае 1938 года, когда приходилось круглыми сутками работать.

Вопрос: – Кто из оперативников больше всего давал Вам печатать справок на арест?

Ответ: – Больше всего печатали справки на арест Данилейко, Майструк и другие, которые приносили печатать справки по распоряжению первых и Ширина.

Вопрос: – Вам приходилось печатать справки на арест и постановления о мерах пресечения с оперативных листов?

Ответ: – Я лично не составляла справок на арест, мне диктовали сотрудники оперотдела с оперативных листов. Как-то: Шаламов, Волошин, Редер, Грановский и другие. Справки в большинстве своем писались по стандарту, т.е. если он украинец, то участник к-р националистической организации, поляк значит ПОВ к-р и т.д., тут же с этих (постановлений) справок писались постановления об избрании меры пресечения и санкция на арест, которую дает прокурор [...]

Вопрос: – Были ли такие случаи, когда справки писались не имея имя и отчества или установочных данных?

Ответ: – Да были. Особенно это имело место когда писали справки на аресты и постановления с протоколов допроса в которых указывались участники той или иной к-р организации.

Вопрос: – Известны ли Вам случаи, когда постановления на арест писались после ареста тех или иных лиц?

Ответ: – Да, такие случаи были по 2 отделению 4 отдела, где нач. отделения был Данилейко, когда перед 1 -е мая 1938 года привозились группы арестованных граждан и затем уже оформлялся их арест, т.е. выписывались постановления на арест и бралась санкция прокурора.

Вопрос: – Постановления об избрании меры пресечения, на санкцию на арест носились к прокурору или прокурор приходил сюда и здесь санкционировал?

Ответ: - Были случаи когда носили постановления к прокурору, в большинстве случаев прокурор приезжал сюда и здесь санкционировал арест. Известно это мне со слов оперработников и я сама видела лично [...]

Вопрос: – Известно ли Вам что, о применении незаконных методов следствия к арестованным во время их допросов?

Ответ: – Видеть мне лично избитых арестованных не приходилось. Но мне было известно со слов самих сотрудников, что они били арестованных и больше всего я слушала доносившиеся крики арестованных, которые были на допросе в кабинетах оперработников. Крики эти происходили почти по всем кабинетам. Видела когда ведут с допроса арестованного с синими отеками на лице. В избитых арестованных отличались по IV отделу 2-го отделения, где нач. отделения был Ширин, одной из комнат т.е. 48, которая являлась для избитых арестованных, в ней работал мобилизованный товарищ, которого фамилию в настоящее время не помню, к этому тов. водили арестованных для избития, т.е. тех, которые не давали показаний, а выводили с этой комнаты только тогда, когда арестованный начал давать показания.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 10. – Арк. 63-64.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 20

З протоколу допиту свідка Данилейка Г.П. від 10 серпня 1939 р.

[...] Существовала практика когда аресты отдельных лиц производились без оперативных листов и каких-либо материалов, как-то: нач. Жмеринского РО НКВД Назаренко на оперативном совещании заявил, что Кораблев во время приезда в Жмеринский РО потребовал от него список поляков проживающих по району и на этом списке сделал отметки «арестовать» поляков среднего возраста несмотря на то, что на подавляющее большинство по этому списку совершенно отсутствовали компрометирующие материалы.

Кроме того знаю, что было дано Кораблевым распоряжение старшему инспектору Борсуку о том, чтобы она затребовала от спецчастей учреждений и предприятий списки на поляков, немцев и латышей, а 3 отдел по этим спискам произвел аресты независимо от наличия компрометирующих материалов.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 2. – Арк. 68-69.
Рукопис. Оригінал.*

Документ № 21

Витяги з власноручного пояснення Левінзона А.Ю.
особливоуповноваженому НКВС УРСР від 11 серпня 1939 р.

По вопросу об искривлениях в оперативно-следственной работе УНКВД по Винницкой области я могу объяснить следующее:

В конце 1937 года я работал заведующим приемной Нач. УНКВД.

Суд-тройка в то время работала почти ежедневно и все работники, приезжающие докладывать дела на Тройку находились в приемной Нач. Управления. В декабре м-це 1937 года в один день было пропущено через тройку около 1560 следственных дел. Рассмотрение этих дел происходило так: все районы были разбиты по группам, каждая группа возглавлялась ответственными лицами, больше всего начальниками отдела Управления НКВД.

Так как Тройка не в состоянии была сама рассматривать все 1500 дел, то эти дела в большинстве рассматривались ответственными за работу группы (нач. отделов: Толчинским, Надеждиным, Веревкой – нач. Облмилиции), Мицулом и пом. нач. Управления Донцом. Они же на обвинительных заключениях делали пометки «10 лет», «5 лет» или «расстрел», после в конце дня все дела были подписаны б. Нач. УНКВД, возглавлявшим в то время работы тройки — Морозовым * без предварительного просмотра [...]

Во время рассмотрения дел тройкой, докладывалось дело групповое по обвинению 10 или 15 чехов **, кажется из Казатинского р-на. Эти арестованные в свое время дали показания, что они завербованы для шпионской работы агентами чехословацкой разведки, но так как раз в это время был разгар чехословацких событий *** Кораблеву почему-то стало неудобно и было непонятно почему они завербованы агентом чехословацкой разведки, а не германской и он решил, что это дело следует переделать поручив Запутряеву через 3 отдел вызвать всех арестованных чехов и добиться от них во чтобы то ни стало показаний, что они завербованы не чехословацкой разведкой, а немецкой. Это дело в течение 2-х дней было «исправлено» и всех приговорили к расстрелу, как агентов немецкой разведки.

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 4. – Арк. 206-207.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 22

Витяги з протоколу допиту Корабльова І.М. від 2 січня 1941 р.

[...]

Вопрос: – Следствие предъявляет выписку из протокола допроса обв.

* Морозов Гнат Дмитрович з серпня 1937 по березень 1938 р. т.в.о. нач. УНКВС Вінницької області ⁵.

** Мова іде про групу уродженців с. Миколаївка Козятинського району: Бальцера Святослава, Безе Йосипа Івановича, Вашировского Володимира, Долежала Володимира Августовича, Піркла Володимира Івановича, Смутного Франца Францевича, Фогеля Володимира Кириловича, Фрібера Франца Івановича, Штольца Йосипа Івановича, Явурека В'ячеслава В'ячеславовича, заарештованих влітку 1938 року ⁶.

*** СРСР пропонував Чехословаччині військову допомогу для протистояння анексіоністській політиці Німеччини. – *Авт.*

Успенского А.И. от 26.УШ-1939 года, из которой видно, что он изобличает вас в проведении вражеской работы в органах НКВД в период когда вы работали нач. УНКВД по Винницкой области. Вы подтверждаете обв. Успенского?

Ответ: – По показанию Успенского А.И. от 26.УШ.1939 года считаю нужным заявить, что он показывает в общем правильно, действительно я беспрекословно выполнял все его оперативные приказы, распоряжения и указания, считая их для себя обязательными. Я не мог не выполнить его приказание, т.к. для меня не была известна его вражеская деятельность, тем более, что его Успенского распоряжения не противоречили оперативным указаниям Ежова [...]

Теперь понятна антисоветская сущность таких установок Успенского и заявлений, что «все немцы и поляки, проживающие на территории УССР являются шпионами и диверсантами» или «75-80% украинцев являются буржуазными националистами» и т.п. Ясно, что такие «установки» не могли не влиять на практическую деятельность УНКВД. Я хочу привести аналогичную установку Ежова. Когда я в марте 1938 года ехал на работу на Украину и был на приеме у Ежова, то просил отменить приказ о моем назначении нач. УНКВД по Винницкой области. Ежов спросил, почему, я ответил, что не справлюсь с работой, на это он мне ответил: «не может быть никаких разговоров, поезжай и разворачивай работу, там на Украине гуляют в подполье целые антисоветские украинские националистические дивизии, которые созданы Любченком, Балицким, нужно ехать и громить эти отряды».

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 1. – Арк. 161-162.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 23

Витяги з протоколу допиту Ширіна Л.Н. від 3 січня 1941 р.

[...]

Вопрос: – Следствие предъявляет часть скорректированного вами, протокола допроса. Скажите, что это за протокол?

Ответ: – [...] Печатные протоколы, которые имели место в моей работе в Виннице, я тогда считал допустимым. Это было порождено той системой, которая существовал и в этом вопросе. Этого требовали у меня и в Харькове с 1937 года и особенно в Киеве, где я работал в НКВД УССР. Практика составления подобных протоколов была развита широко. В Киеве мне приходилось несколько раз переписывать подобные протоколы прежде чем печатать, так как тогдашнее руководство 4 отдела – Хатеневер, Перцов не пропускали эти протоколы, сами вписывали туда факты о которых обвиняемый не говорил.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 5. – Арк. 80,82.
Рукопис. Оригінал.*

Документ № 24

Витяги з заяви Запутряєва О.М. від 17-18 січня 1941 р.

[...] Характеризуя причины породившие искривления революционной законности в УНКВД должен отметить, что такой же порядок или вернее беспорядок в отделах был создан еще при старом руководстве т.е. при

Морозове и Толчинском. При них была создана система арестов по оперативным листам, корректирование протоколов допросов, предопределение заранее ст. УК без достаточных к тому оснований и т.п. [...]

Несомненно, работая в Виннице в 1938 г. 6 месяцев (из них 3,1/2 м-ца зам. нач. отдела и 2,1/2 мес, нач.отдела) при тех условиях я в какой-то мере, как и другие работники извращал революционную законность, но это не было преступлением в обычном понимании этого слова, а это было мое недомыслие, моя излишняя дисциплинированность в выполнении письменных и устных приказов руководства УНКВД и НКВД УССР, что было вызвано созданной системой работы с теми условиями, в которых мне, как новичку приходилось воспринимать по приезду на Украину.

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 7. – Арк. 65, 82.
Рукопис. Оригінал.*

Важливо також розкрити питання т.зв. «третьої влади». Як співвіднести масові порушення законів, очевидні репресії цілих сіл з позицією судової системи. Як захищалися права громадян, закріплені Сталінською Конституцією?

Документ № 25

**Витяги з протоколу допиту свідка Шварця Ю.І.
від 23 жовтня 1939 року.**

[...] Перед судом меня вызвал Решетиллов у которого в кабинете был тогда Прокурор по спецделам Другобицкий, которому я также подтвердил свои показания не желая быть избитым Решетилловым. Кроме того, узнав, что это прокурор и желая сделать попытки к тому, чтобы рассказать всю правду, прокурор на меня набросился с руганью и криком, что мало мне внушили это дело. С угрозой, что сегодня ночью со мной опять поговорят [...]

Добавлю, что Прокурор Другобицкий в присутствии Решетилова мне заявил, что если на суде буду отрицать вернут дело на следствие и все

это «внушение», которое было на следствии, повторится в 10 раз больше.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 4. – Арк. 29.
Машинопис. Завірена копія.*

Документ № 26

Витяги з протоколу допиту Ширіна Л.Н. від 26 грудня 1940 р.

...По приезде в Винницу я застал там издавна установленную, не знаю кем систему групповых допросов. Я понимал, что это незаконно, но не задумывался над подобной системой, считая, что она установлена руководством [...]

Зам. облпрокурора Другобицкий неоднократно заходил к следователям, где допрашивались арестованные подобным образом и это обстоятельство еще более притупляло во мне и во всех оперработниках понимание незаконности такого следствия.

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 5. – Арк. 56-57.
Рукопис. Оригінал.*

Документ № 27

З власноручних свідчень Корабльова І.М. від 13 січня 1941 р.

[...] В отношении массовых и необоснованных арестов, имевших место в Виннице в период моей работы, должен в заключении указать, что в этом не только моя вина или вина других сотрудников УНКВД, но должна нести ответственность и областная прокуратура в лице Тернивского – б. областного прокурора и его заместителя Другобицкого, которые давали санкции на аресты. Если я находясь под влиянием оперативных руководящих указаний того времени, имевшихся по линии НКВД и выполняя установки исходившие от быв. вражеского руководства НКВД, не подозревая об их вражеском направлении – делал преступления, санкционируя аресты людей, то прокуратура допуская окончательную санкцию должна была не штамповать даваемые им постановления, а смотреть есть ли достаточно оснований к аресту того или иного лица. Как видно из материалов следственного дела, ни Тернивский и ни Другобицкий не сделали этого, за что они также как и я должны нести ответственность.

В особенности могла быть решающей роль Другобицкого в части выявления и устранения физметодов при допросах арестованных, т.к. согласно показаний свидетелей арестовывавшихся в 1938 г. они заявляли Другобицкому об избиении их сотрудниками 4 отдела, однако со стороны Другобицкого никаких мер принято не было. Допрашивал же он многих арестованных, а его протоколы допросов арестованных вносили как у меня,

так и других работников УНКВД еще большую веру в правдивость этих показаний [...]

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т.1. – Арк. 158-159.
Машинопис. Завірена копія.*

А тепер дамо слово самим наглядчам за законністю. Відповідь гранично відверта і водночас промовиста.

Документ № 28

Витяги з власноручних пояснень колишнього прокурора по Вінницькій області Тернівського Я.І. від 19 листопада 1940 р.

[...] 2. Имели ли место факты извращений и нарушений социалистической законности в областном отделе НКВД.

В областном отделе НКВД фактов извращений и нарушений социалистической законности в то время мне не было известно [...]

А. О работе Тройки

Заседания Тройки всегда происходили в составе: Нач. Облуправления НКВД, секретаря Обкома, меня Облпрокурора и секретаря Тройки. Были случаи, когда я отсутствовал, в этом случае меня заменял зам. облпрокурора по спецделам тов. Другобицкий.

Заседания Тройки в основном происходили ночью. Продолжительность заседания была в зависимости от количества и сложности дел. Зачастую приходилось заседать с 10 час. вечера до 4-5 час. утра. На заседании Тройки все дела докладывались оперативными работниками НКВД. При докладах излагалась суть дела со ссылкой на показания свидетелей. Бывали случаи, что дела снимались с рассмотрения и обращались к доследованию. По рассмотренным делам составлялся протокол. Количество рассмотренных дел в одном заседании было разное, по 100 и больше дел.

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 4. – Арк. 301-302.
Машинопис. Оригінал.*

Навесні 1941 року слідство у справі Корабльова І.М., Запутряєва О.М. та Ширіна Л.Н. було закінчено. І після належних юридичних процедур у Вінниці з 26 квітня по 6 травня був проведений закритий судовий процес Військового Трибуналу військ НКВС Київського округу. Слід зазначити, що до процесу не дожив лише один, хоча і досить важливий учасник – головний «розкольник» і гроза в'язнів – Редер А.В., який був знайдений повішеним у камері Київської в'язниці НКВС 28 липня 1939 р.⁷.

Матеріали судових засідань додали останніх штрихів до картини ма-

сового беззаконня на багатостраждальній Подільській землі.

Документ № 29

Витяги з протоколу судових засідань Військового Трибуналу військ НКВС Київського округу

Свид. Перепеляк М.И. по делу показал:

В бытность Кораблева начальником УНКВД по Винницкой области я работал там начальником 1-го спецотдела. В то время проводились массовые операции, как по оперативным листам райотделений, так и по справкам УНКВД.

Накануне 1 мая по 2-му отделу было арестовано около 200 чел. по районам расположенным вблизи Винницы. За 2-3 дня все эти арестованные, в отделении Данилейко дали показания и после праздников были осуждены по тройке.

Практиковались допросы в одной из комнат сразу по 10 и более арестованных. Я не ходил по кабинетам следователей, но даже сидя у себя в кабинете, слышал крики избиваемых.

Помню был у нас арестованный артист Волынец. Как то, зайдя к начальнику отделения Данилейко, я застал там Волынца. Он сидел в одной изорванной рубаше, тяжело дышал и на его теле видны были кровоподтеки. Данилейко тогда сказал: «Ну, теперь будет говорить». [...]

На вопросы поде. Кораблева св. Перепеляк:

[...] Кораблев выгонял меня из кабинета, угрожал посадить и проч. Эти угрозы были связаны со статотчетом о социальном положении арестованных и репрессированных за период работы Ежова. У меня по материалам отдела получилось что репрессировано много колхозников, рабочих, служащих и в таком виде отчет был составлен. После отправки его в Киев Кораблев вызвал меня и заявил: «Что Вы меня подводите. Мне Успенский звонил, чтобы Вас посадить». Здесь же предложил пересоставить отчет и рабочих, колхозников и др. социально близких людей, имевших политпрошлое, исключить из соответствующих граф «рабочие», «колхозники», включив их в графу «быв. люди». [...]

Подс. Ширин пояснил:

Аресты Бутенко утверждал не только в отсутствие Кораблева, но и тогда когда тот находился в Виннице.

Начальником 4 отделения Надеждиным была дана районам директива выслать списки на бывших красных партизан с наличием компрометирующего материала. РО НКВД, плохо поняв эту директиву, прислали вообще списки быв. красных партизан, но и на этих списках Бутенка писал резолюцию «Ар».

На вопросы суда св. Бутенко:

Если утверждение мною таких списков было в первые месяцы моей

работы, то это объясняется моим недопониманием, так как на руководящей работе до того не был и с ней столкнулся впервые. [...]

На вопросы суда св. Юрьев:

Свои показания о Ширине я подтверждаю. О нем можно говорить не только по себе но и по другим лицам. В первое время меня бросали из камеры в камеру и это делалось не случайно, а с целью воздействия на меня и создания предпосылок для самоговора. Мне пришлось находиться в камерах с Зеленковым и Козисом. И у того, и у другого совершенно не было заднего места, оно было оголено до костей и они мне говорили, что их избивали Ширин и Редер. Когда меня приводили на допрос, из всех комнат ночью и днем неслись душу раздирающие крики и плач, и ведь не даром при мне в тюрьподе работало 3 чел. среднего мед. персонала специально для перевязок. О Ширине шла слава, как о вампире и палаче. Он наступал мне на пальцы каблуками сапог, бил кулаками по лицу, избивал палкой. От длительной стоянки я получил расширение вен на обоих ногах. [...]

Свид. Майструк В.Ф. показал:

...Ширин по своей натуре карьерист и шкурник, страдал орденomanией и все время добивался наград. Он фактически являлся начальником отдела и все дела, о которых я здесь говорил лежат на его совести.

Как Ширин допрашивал арестованных:

лежит себе на диване, подле него фисташки, яблоки, конфеты. В углу сидит стенографистка и ей с подобия заметок он диктует показания арестованного, а того и в помине там не было.

Таким же образом составлялись им протоколы допроса арестованного Козиса, причем последний был избит до невозможности. Козис сам «расколол» 4 линии: «партизан», «генерацию», и др. Эти линии – результат жесточайшего избиения и потому нет ничего удивительного, что Козис дал 4 организации, ибо при таких условиях от него можно было свободно получить 204 организации [...]

Подс. Ширин по делу пояснил:

[...] Физическое воздействие к арестованным в тот период допускалось. Я сам, когда видел, что обвиняемый враг, докладывал Надеждину и тот давал санкцию на применение этого воздействия...

Свид. Юрьев и некоторые другие представляли меня здесь, как врожденного садиста. С моей стороны действительно были случаи применения физического воздействия к арестованным, но лишь, когда я был убежден, что передо мною враг. [...]

Подс. Кораблев по делу показал:

...Вскоре по приезде в Винницу я был вызван на совещание в Киев. Там демонстрировалась широкая схема вскрытия польских формирований и была одна установка развернуть этот участок работы. На втором совещании в конце апреля Успенский информировал, что делал доклад в ЦК КП(б)У и что работа органов на Украине якобы получила там одобрение.

Присутствовал на XIV съезде партии *. Там также было сказано, что работа на Украине по разгрому врагов по существу только начинается. В период чехословацких событий звонит Успенский и спрашивает, сколько арестованных. Я назвал цифру, но он обругал меня и заявил: «Почему так мало. Вы что на ту сторону работаете?». Эти установки для меня были обязательны, я принимал их за должное тем более, что с условиями Украины не был знаком [...]

К делу приложен список арестованных, умерших в тюрьме. В 1938 г. таких умерших было 30 ч. Учитывая, что за тот год через тюрьму прошло 6000 арестованных, смертность составляет сотые доли [...]

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 9. – Арк. 33-34, 47, 57, 74, 84, 85, 87, 90.
Машинопис. Оригінал.*

У процесі судових засідань з'ясувалися факти протизаконної діяльності співробітників УНКВС по Вінницькій області Бутенка М.С, Данилейка Г.П., Майструка В.Ф., Пришивцина А.Я, Окремою ухвалою Військового Трибуналу їх було взято під варту безпосередньо у залі засідань і одночасно порушено кримінальну справу, до якої для дослідження фактів злочинів було додано справу Ширіна Л.Н. Одночасно до відома керівництва Вінницького УНКВС була доведена ухвала про намагання співробітників Гуні, Дудника та Глуценка приховати факти незаконного ведення слідства. Прокурорам Союзу РСР та УРСР було направлено подання за порушенням положення про прокурорський нагляд з боку Тернівського та Другобицького.

6 травня процес було закінчено, і Військовий Трибунал військ НКВС Київського округу виніс вирок: Корабльова Івана Михайловича та Запутряєва Олександра Михайловича за ст.206-17 п.»б» КК УРСР засудити до вищої міри покарання – розстрілу⁸.

Але це не була остання крапка у справі. Касаційна скарга звинувачених дійшла до Військової Колегії Верховного Суду СРСР. Тут і було прийнято остаточне рішення.

Документ № 30

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего	Армвоенюриста	Ульрих
и членов	диввоенюриста	Суслина
	военюриста	Чепцова

рассмотрев в заседании от 24 июня 1941 года кассационную жалобу Кораблева Ивана Михайловича и Запутряева Александра Михайловича на

* КП(б)У. – Авт.

приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 6 мая 1941 г. по делу осужденных за аресты, предусмотр. ст. 206-17 п. «б» УК УССР – обоих к расстрелу с лишением специальных званий: первого майора госбезопасности, а второго – лейтенанта госбезопасности.

Заслушав доклад тов. Суслина и заключение пом. Главного Военного Прокурора тов. Малярова об оставлении приговора в силе

Определила:

Виновность Кораблева и Запутряева в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206-17 п. «б» УК УССР, материалами предварительного и судебного следствия доказана, однако, не усматривая необходимость в применении к ним высшей меры уголовного наказания, применить в отношении их ст.46 УК УССР и заменить Кораблеву и Запутряеву расстрел лишением свободы в ИТЛ по десять лет каждому без поражения в правах, но с лишением специальных званий Кораблева – майора госбезопасности, Запутряева – лейтенанта госбезопасности.

Председательствующий
члены

(Ульрих)
(Суслин)
(Четцов)

*ДА СБУ. – Спр. 66927. – Т. 8. – Арк. 280.
Машинопис. Завірена копія.*

Слідство у справі Ширіна Л.Н. та інших мало б закінчитися подібним процесом, але грянув військовий грім. З українських теренів в'язнів було етаповано до Новосибірська. Саме там нашвидкуруч підготували постанову про припинення справи. Як уже говорилося, це досить цікавий документ. І останній у цій публікації.

Документ № 31

«Утверждаю»

Зам. нач. УНКВД Новосибир. обл.
капитан госбезопасности
(Плесцов)

«18» сентября 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Новосибирск

«17» сентября 1941 г.

Я, ст. следователь Следчасти НКВД УССР – мл. лейтенант госбезопасности Губенко, рассмотрев материалы следственного дела №147285 по обвинению Ширина Лазаря Наумовича, Пришивцина Антона Яковлевича,

Данилейко Георгия Петровича, Майструка Владимира Федоровича в преступлении, предусмотренном ст. 206-17 п. «б» УК УССР и Бутенко Николая Степановича в преступлении, предусмотренном ст. 206-17 п. «а» УК РСФСР

нашел

...Обвиняемый Ширин арестован 18-го декабря 1940 года за извращение социалистической законности, проведение необоснованных арестов, фальсификации следственных документов при допросах арестованных, применение методов физического воздействия к арестованным [...]

Обвиняемый Ширин будучи врид. зам. нач. отдела подписал три оперативных листа на арест 200 человек по области.

Как установлено следствием и на судебном заседании, что все санкции по этим оперлистам были даны первоначально – Бутенко быв. пом. нач. УНКВД, это же видно из подлинников его подписей на оперативных листах.

Впоследствии эти оперлисты через секретариат УНКВД попадали начальнику отделения Данилейко, последний их перепечатывал в общие оперативные листы, затем Ширин и Данилейко они были подписаны и направлялись прокурору для дачи санкции на арест их.

В отношении незаконных методов следствия со стороны обв. Ширина установлено из его же показаний, что в отдельных случаях когда он был убежден и знал, и с санкции руководства, мог применить физические воздействия к арестованному врагу, что же касается системы групповых допросов, то последняя была введена начальником УНКВД – Кораблевым, до того что Ширин прибыл на работу в УНКВД по Виннице.

Показания свидетелей – быв. арестованных по данному делу являются неконкретными, подчас сомнительными, а следствием факты указанные свидетелями не проверены, в частности: свидетель – Юрьев показывает, что Ширин, Пришивцын и другие добивались у него вымышленных показаний путем применения к нему мер физического воздействия.

Обвиняемые Ширин, Пришивцын и другие категорически отрицают показания свид. Юрьева [...]

Свидетели – Кобылянский, Василенко и другие так же показали, что со стороны Ширина и других следователей к ним были применены физические меры воздействия [...]

Все эти свидетели были допрошены в 1939 году, на предварительном же следствии и на суде эти свидетели не передопрашивались, хотя обв. Ширин опровергал их показания конкретными фактами.

Показания свидетелей арестованных по делу к-р. организации «Бунд» – Борисова, Зака и др. о применении к ним Тириним физических мер воздействий так же следствием не проверены и вызывают сомнения [...]

Свид. Борисов показывает о том, что следователи Гуня и Антонов его допрашивали в пьяном виде и избивали его и последние в заключение над ним инсценировали расстрел на кладбище.

Эти факты следствием так же не проверены – Гуня и Антонов по этому вопросу не допрошены.

Свидетель Зак утверждает, что меры физических воздействий к нему применялись Шириным и Гелером, а потом в течение 10 суток и Пришивцыным, что последний ему предлагал писать заявление на имя следователя.

Пришивцын категорически отрицает о допросе им вообще когда либо Зака.

Таким образом показания свидетелей по делу вызывают сомнения в их правдоподобности.

Из материалов дела видно, что обвиняемый Ширин еще будучи допрошенным как свидетель по делу честно и правдиво рассказал о проводимых извращениях в УНКВД по Винницкой области в 1938 году, а также о своем участии в них. Однако никаких корыстных побуждений или личной заинтересованности у него не было, а работая в тот период, считал эти явления нормальными и выполнял указания руководства УНКВД по Винницкой области [...]

Обвиняемый Пришивцын в мае 1941 года был вызван военным трибуналом в качестве свидетеля по делу Кораблева – быв. нач. УНКВД по Винницкой области.

В процессе судебного следствия была выявлена причастность Пришивцына к незаконным методам следствия и фальсификации дела Юрьева, допуская вместе с Шириным и Майструком физические методы воздействия к арестованным, в целях принуждения их к даче вымышленных показаний.

Кроме того Пришивцыну была инкриминирована причастность к массовым безосновательным арестам граждан по оперативным листам без всякой проверки действительного наличия компрометирующих материалов, на лиц намеченных к аресту.

В процессе следствия установлено, что Пришивцын следствие по делу Юрьева не вел, а лишь периодически заходил в кабинет следователя и беседовал с Юрьевым по вопросу относящегося к его обвинению [...]

Обвиняемый Пришивцын как и другие лица имевшие отношение к делу Юрьева утверждают, что к последнему не применялось никаких незаконных методов следствия [...]

Что же касается причастности обв. Пришивцына к массовым безосновательным арестам, то из материалов дела видно, что будучи зам. нач. УНКВД Пришивцын никаких массовых арестов не проводил, и к этому времени вообще аресты по Винницкой области прекращены, а обвиняемый Пришивцын занимался только окончанием следственных дел на арестованных к тому времени.

Обвиняемый Пришивцын будучи же до этого врид. нач. 2 отдела УНКВД, действительно наложил санкцию «согласен» на арест по 42 справ-

кам, подлежащих к аресту на разный к-р элемент, на которых имелись агентурные и следственные материалы, что не является массовостью арестов, так как в Винницкой области было 36 районов [...]

Данилейко арестован 5 мая 1941 года Военным Трибуналом войск НКВД Киевского округа по обвинению в причастности к массовым необоснованным арестам по оперативным листам, а также к избиениям арестованных, групповым допросам, что повлекло за собой смерть в тюрьме арестованного Павлюка *, причины коей Данилейко были скрыты.

В процессе следствия установлено, что Данилейко Г.П. в июле месяце 1938 года будучи начальником отделения У НКВД по Винницкой области действительно подписал три оперативных листа на арест 200 человек.

Но эти оперативные листы были подписаны ранее Бутенко пом. нач. УНКВД и Другобицким зам. прокурора по спецделам [...]

Что касается смерти Павлюка И.М., то как это видно из справки врид. нач. Внутренней тюрьмы от 18 августа 1938 г. установить когда и кто лично его вызывал последний раз на допрос и по чьему распоряжению Павлюк был отправлен в больницу – данных нет [...]

Майструк был также арестован 5-го мая 1941 года Военным Трибуналом войск НКВД Киевского округа, а затем 22 мая с.г. освобожден следчастью НКВД УССР под подписку о невыезде.

Определением трибунала Майструк был взят под стражу за применение незаконных методов следствия в 1938 году, фальсификацию протоколов допроса подследственных по делам арестованных по подозрению в к-р. деятельности, были сфальсифицированы дела на партийно-советский актив г. Винницы, по коему были переданы суду и осуждены ряд лиц, в том числе быв. 3-й секретарь обкома КП(б)У – Юрьев и др., а также при активном участии Майструка тогда же сфальсифицировано было дело Уринцева, Эпельбаума, Когана и др. по подозрению в принадлежности к к-р. организации «Бунд», о чем путем применения физических мер воздействия, у всей этой группы арестованных были получены вымышленные показания [...]

Из дела так же видно, что 2 отделением 2 отдела УНКВД начальником которого был в то время Редер одновременно на протяжении июля и августа месяца 1938 г. были арестованы с санкции областного прокурора Тернивского и его заместителя по спецделам Другобицкого, группа лиц в количестве 15 человек быв. партийных и советские работники.

Эти лица были арестованы на основании показаний других арестованных.

Таким образом устанавливается, что ничего по этой группе арестованных Майструк не фабриковал, да и не мог фабриковать по той причине, что никакого отношения к этому делу не имел [...]

* Див. документ № 14.

К Юрьеву же, как это видно из показаний ряда лиц, имевших отношение к его делу, физических мер воздействий не применялось, а дал показания о своей к-р. деятельности без всяких принуждений.

В части второго пункта обвинения в отношении Майструка – о фальсификации дела им к-р. организации «Бунд» по которому проходили – Уринцов, Эпельбаум, Коган и др. Так же следствием полностью не доказано, ибо строить обвинение только лишь на основании показаний свидетелей быв. арестованных, которые являются до некоторой степени сомнительными, нельзя и вот почему: по делу к-р. организации «Бунд» проходило 14 человек, дело их слушал областной суд, на суде выступали два защитника.

Никто из обвиняемых на суде не заявил о том, что применяли к ним меры физических воздействий.

За исключением 3-4 человек признали полностью свою вину и подтвердили данные ими показания на предварительном следствии.

В кассационных жалобах они так же признавали свою вину и просили лишь смягчения им приговора.

Верховный Суд Украины рассматривая это дело приговор Облсуда утвердил, Верховный Суд СССР при рассмотрении этого дела так же никаких нарушений законов следственного и судебного делопроизводства не нашел и приговор по делу утвердил, изменив лишь меру наказания несколькими осужденным расстрела на 10 лет и лишь только (уже после постановления ВК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года об извращения в работе органов НКВД) когда заключенные по этому делу отбывали наказание в лагерях, **хлынули в руководящие правительственные органы и судебные инстанции заявления о всевозможных избиениях на следствии.** На основании этих заявлений, последние решением Верховного суда были освобождены, а дело прекращено [...]

Определением Трибунала войск НКВД Киевского округа от 5 мая 1941 года Бутенко был привлечен к ответственности под подписку о невыезде за причастность к массовым, безосновательным арестам граждан по оперативным листам, на коих Бутенко делал отметки об аресте граждан без всякой проверки компрометирующих материалов на лиц, намеченных к аресту.

Бутенко следствием после привлечения Трибуналом его к ответственности не допрашивался по существу предъявляемых ему обвинений.

Из материалов же дела видно, что Бутенко действительно будучи пом. нач. УНКВД по Винницкой области на ряде оперативных листов и справок, прибывших из районов проставлял отметки против фамилии – «арестовать», но в этих оперлистах было наличие компрометирующих материалов на того или иного лица [...]

Таким образом из материалов дела явствует, что преступления, совершенные обвиняемыми никаких тяжелых последствий не повлекли за собой.

Показания свидетелей по делу являются неконкретными, а подчас со-

мнительными в их правдоподобности, а их проверить в данный период не представляется возможным.

Учитывая социально близкой нам прослойки обвиняемых и обстановку данного периода и нахождения двух обвиняемых по данному делу на свободе, а также нецелесообразности содержания под стражей остальных обвиняемых

Постановил:

Следдело № 147285 по обвинению Ширина Лазаря Наумовича, Пришивцына Антона Яковлевича, Данилейко Георгия Петровича, Майструка Владимира Федеровича и Бутенко Николая Степановича в силу ст. 204 п. «б» РСФСР производством прекратить.

Обвиняемых Ширина Л.Н., Пришивцына А.Я., Данилейко Г.П. из-под стражи освободить, а в отношении Майструка В.Ф. и Бутенко Н.С. отменить подписку о невыезде.

ст. следователь НКВД УССР
мл. лейтенант госбезопасности

(Губенко)

Согласен: начальник следгруппы НКВД УССР
мл. лейтенант госбезопасности

(Лесной)

*ДА СБУ. – Спр. 47806-ФП. – Т. 1. – Арк. 354-361.
Машинопис. Оригінал.*

Ось так і закінчилась епопея пошуку правди і справедливості за стінами в'язниці Вінницького УНКВС. До німецьких розкопок залишилось ще півтора року.

Відтоді минуло вже 60 років. У наш час переосмислення минулого ми маємо усвідомити свою відповідальність у справі висвітлення історії такою, яка вона була. Тому, що це борг усього нашого суспільства. Злочини такого масштабу безкарними бути не повинні.

І, відкриваючи матеріали про Вінницьку трагедію, ми віддаємо належне тим тисячам «бывших людей с политическим прошлым», які спочатку були перетворені на «троечный материал», а згодом на «жертви фашизму», їх доля — це одна з трагічних карбівок людської пам'яті.

Примітки

¹ Вінниця: злочин без кари. Документи, свідчення. – Київ: «Воскресіння», 1994. – 333 с.

² Народобивство в Україні. Офіційні матеріали про масові вбивства у Вінниці. – Львів, 1995. – 264 с.

³ Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ: «Абрис», 1997. – 605 с.

⁴ Народобивство в Україні. Офіційні матеріали про масові вбивства у Вінниці. – С. 260-261.

⁵ Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. – С. 520.

⁶ ДА СБ України. – Спр. 66927. – Т. 6. – Арк. 1-196.

⁷ Там само. – Т. 5. – Арк. 205.

⁸ Там само. – Т. 9. – Арк. 187 зв.